

U.D.C. 81'23

MENTAL LEXICON: CONSTRUCT,
METAPHOR, MYTH?A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Different approaches to the concept of “mental lexicon” are distinguished; the importance of this scientific construct is explained; metaphorical application of this term is treated as natural; some myths connected with this concept are considered as the outcome of “common sense” or temporally popular scientific paradigms.

Keywords: mental lexicon, construct, metaphor, myth.

Conference participant,
National championships in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

УДК 81'23

МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН: КОНСТРУКТ,
МЕТАФОРА, МИФ?Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственный университет, Россия

Рассматриваются различные подходы к понятию ментального лексикона, выявляется обоснованность трактовки лексикона как конструкта, демонстрируется естественность использования этого словосочетания в метафорическом смысле, указывается на некоторые мифы как дань следования наивным представлениям или популярным в своё время научным парадигмам.

Ключевые слова: ментальный лексикон, конструкт, метафора, миф.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.919>**В**водные замечания

Успешность межнациональной коммуникации во многом зависит от используемых языковых средств, в первую очередь – слов, поскольку слово выступает и как средство установления доброжелательных контактов, и как побудитель недоверия, недоброжелательства, вплоть до межэтнического напряжения и международных конфликтов. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, связанные с тем, как слово «живёт» у носителей языков и культур, что в свою очередь выводит на проблему лексикона. Признано, что исследование слов ныне стало ключевой проблемой социальных и когнитивных наук, как и науки о мозге [15]. В моём предшествующем докладе (см.: [5]) была показана многозначность слова «лексикон» как в общеязыковом, так и в научном его использовании. Было также указано, что при наличии международных исследовательских мероприятий по общей проблеме «Ментальный лексикон» (проведении конференций, издании междисциплинарного журнала и т.д.) высказываются мнения, что словосочетание «ментальный лексикон» представляет собой метафору (см., например, [7]) и что у человека лексикона как такового не существует (см., например, [12]). Основная цель этого этапа моей работы – показать, что наши споры, непонимание и несогласие могут иметь место из-за использования одного и того же наименования, которое увязывается с весьма различающимися представлениями о некоторой вещи,

явлению или событию, к тому же нередко из-за метафоричности термина и устойчивых мифов.

Ментальный лексикон как конструкт

Ментальный лексикон называют также «внутренним лексиконом», «словарём в голове» и т.д. Суть от этого не меняется: речь идёт о том, что хранится в нашей памяти и является недоступным для прямого наблюдения. Как и в любой другой ситуации «чёрного ящика», мы можем только строить предположения с позиций здравого смысла и/или проводить научные исследования на уровне, который обеспечивается современной нам наукой. Во втором случае принимаемая нами система исходных научных постулатов фактически играет роль «здравого смысла», сближая тем самым исследователя с обывателем, склонным видеть и отстаивать именно то, и только то, что ему самому представляется очевидным. Итак, что такое «конструкт» и как выглядит ментальный лексикон как конструкт с позиций здравого смысла и/или научной теории.

В словаре [14: 405] существительное «construct» определяется следующим образом: «1. Something formed or constructed from parts. 2.a. A concept, model, or schematic idea: *a theoretical construct of the atom.* b. A concrete image or idea». Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике [1] на с. 438 для разъяснения значения русскоязычного термина «конструкт» отсылает ко второму значению английского слова «construction»: «Концептуальная

модель явления, возникающая как результат работы теоретической модели. Например, теоретический конструкт процессов метафоризации» [цит. раб.: 81]. В психологическом словаре [6: 209] делается акцент на личностном конструкте (от лат. *constructio* – построение), имеется в виду «создаваемый субъектом классификационно-оценочный эталон, посредством которого осуществляется понимание объектов при их сходстве между собой и отличии от других». Там же поясняется роль личностных конструктов в способности человека «углублённо описывать, анализировать и оценивать воспринимаемые объекты в их противоречивом единстве» [цит. раб.: 209–210]. Итак, построение конструктов выступает как неотъемлемая составляющая жизнедеятельности человека, в том числе – учёного.

Для обывателя (называю так лингвиста в самом общем смысле, без каких бы то ни было коннотаций) всё ясно: в голове есть словарь, включающий все известные мне слова; наверное, они упорядочены по алфавиту (я же могу их так перечислять). Я знаю, что слово может иметь несколько значений, отсюда – я его так и храню (т.е. с перечнем всех возможных значений). И ещё: я умею склонять существительные и спрягать глаголы, значит, у меня в голове тоже есть существительные во всех возможных падежах и глаголы во всех возможных формах. Этот перечень можно было бы продолжить, но очевидно одно: мы строим модель чего-то (в данном случае – ментального лексикона), исходя из

того, что нам известно, привычно, понятно, а главное – является достаточным для решения текущих задач, если же нет – приходится строить новые конструкты с учётом нашего опыта познания мира и общения и/или с обращением к некоторым дополнительным источникам знания. При этом многие конструкты мы черпаем из нашей принадлежности к определённой культуре; огромную роль при этом играет увязывание по аналогии (какой бы условной она ни была).

В отличие от обывателя учёный ставит множество вопросов, отвечающих специфике исповедуемой им теории, он строит конструкты как инструменты проникновения в сущность изучаемого объекта, научного объяснения выявляемых закономерностей и т.д. Это налагает на исследователя важные обязательства, отвечающие требованиям к научному изысканию как таковому (в плане достоверности получаемых результатов, объективности выводов и т.д.). Вполне естественно, что представители разных научных направлений ставят различающиеся вопросы относительно специфики ментального лексикона (далее – МЛ), а при решении таких вопросов исходят из своих представлений о том, что такое МЛ.

Например, с позиций порождающей грамматики Н. Хомского МЛ одно время трактовался как придаток грамматики, составляющей основу владения языком. Поскольку, согласно этому подходу, высказывание строится по определённым правилам, слова только представляют материал, на котором «работают» эти правила; более того, МЛ трактовался некоторыми авторами как перечень лексических единиц, не подчиняющихся таким правилам и выучиваемых носителем языка в качестве исключений из правил. Со временем ситуация изменилась и теперь, наоборот, речь идёт о том, что грамматические особенности в МЛ могут быть увязаны с самим словом (ср. «лексические грамматики»), а изучение различных аспектов МЛ стало объектом широких междисциплинарных исследований с организацией регулярных международных конференций по проблемам МЛ и изданием специального научного журнала «The

Mental Lexicon» (см. подробно: [3; 4]).

Не имея возможности сопоставить здесь фигурирующие в научной литературе определения МЛ и рассматриваемые в этой связи проблемы, ограничусь указанием на то, что трактовка лексикона как знания слов (или знания о словах) в голове человека выводит на разработку весьма различающихся конструктов, поскольку никто не знает, что именно входит в понятие «знание слов». Например, Джин Эйтчисон, в предисловии к своей книге определяющая МЛ как словарный запас человека [9: IX], посвящает монографию рассмотрению того, чем МЛ отличается от традиционного словаря, как представлены и организованы слова в лексиконе, т.е. основная цель этой книги – показать, как работает лексикон человека. На первый взгляд, сходную формулировку предлагает Дж. Филд [13: 161], однако приведённое в том же словаре определение единицы МЛ [цит. раб.: 154–155] свидетельствует о включении в это понятие лишь формально-лингвистической информации о слове. Даже при близких дефинициях МЛ авторы могут придерживаться принципиально разных представлений о базовом (модульном или сетевом) принципе организации лексического запаса человека, о соотношении между языковыми и энциклопедическими знаниями и т.д. Особенно спорными являются вопросы о том, что именно можно/нельзя включать в понятие «МЛ»: где граница между словом и концептом, языковыми и энциклопедическими знаниями, есть ли различия между лексиконом для говорения и лексиконом для понимания, сколько лексиконов имеется у человека, владеющего двумя или несколькими языками, и т.д., более того, возникает подозрение: а нужен ли такой конструкт, может быть вообще-то лучше бы обходиться без него (см.: [12]). При этом употребляющие термин МЛ авторы далеко не всегда конкретизируют свою трактовку лексикона. В случаях, когда это делается, чаще всего под лексиконом понимают индивидуальный словарный запас, репрезентации слов в долговременной памяти человека или хранилище слов в памяти и т.п. без расшифровки того, что именно представляет собой

слово в языковом/речевом механизме индивида.

«Ментальный лексикон» как метафора

Словосочетание «ментальный лексикон», несомненно, представляет собой метафору (ср.: [7]), которая влечёт за собой ещё целый ряд производных метафор, в том числе и естественно-научных (см. подробно: [3]). Метафора признаётся одной из важнейших «познавательных практик» человека, поскольку с опорой на некоторый совпадающий или близкий по какому-то параметру признак сопоставляемых объектов удаётся высветить определённое свойство, состояние и т.д. для его более эффективного понимания и описания. Однако при этом не замечается, что другие признаки таких объектов могут в значительной мере различаться, поэтому всегда имеет место опасность излишнего расширения границ сходства между объектами. Именно это происходит при использовании обсуждаемой метафоры. Так, в составе словосочетания МЛ слово «лексикон» идентифицируется как «словарь», отсюда ментальному словарю приписывается многое из того, что характерно для печатного словаря и/или для научного описания слова как единицы лексико-семантической системы языка (ср. производные метафоры типа слово имеет значение, выделение лексикона лемм, фонологического, орфографического и др. лексиконов) при трактовке языка как самодостаточного явления (в том числе – органа особого рода) с хранением различных аспектов слова (произношения и др.) в отдельных «модулях», «блоках» и т.п..

«Ментальный лексикон» и связанные с ним мифы

Некоторые из связанных с МЛ метафор ведут к устойчивым мифам. Например, представление об исключительности языка как специфического феномена выразилось в попытках «закрепить» за языком определённые области мозга, что в свое время наглядно демонстрировалось нарушениями речи при разного рода травмах и заболеваниях. В последние годы доказано, что здоровый мозг работает иначе: знание у человека хранится по принципу распределён-

ности между различными областями мозга (см.: [2]). Развенчанным оказался миф о том, что в мозге имеются энграммы, соответствующие словам. Основаниями для многих мифов, так или иначе связанных с МЛ, являются результаты лингвистических исследований, прямо переносимые на представления о лексиконе индивида, хотя ещё Л.В. Щерба [8] предостерегал против недопустимого отождествления теоретически несоизмеримых понятий, к числу которых относятся система языка как продукт научного описания и «речевая организация человека» как продукт своеобразной переработки речевого опыта (уточняя: опыта познавательной и коммуникативной деятельности). Сюда относятся мифы о том, что слово хранится у человека в единстве всех его форм и значений (например, в виде списка всех возможных лексико-семантических вариантов), индивид производит исчисление предикатов и выполняет многие другие действия, которые необходимы исследователю для построения описательной модели языка. На самом деле «своеобразная переработка» речевого опыта даёт своим продуктом функциональные ориентиры, т.е. знание процедурального типа (знание «как», ср. хорошо говорящего ребёнка, испытывающего трудности при школьном изучении грамматики родного языка!). Такие ориентиры «работают» в особых «кодах», позволяющих индивиду увязывать мультимодальные продукты переработки многообразного (не только речевого!) опыта, а установление связей между разными значениями одной и той же словоформы или понимание эксплицитных (вербализованных) правил сочетания слов в высказывании требуют метаязыковой активности с переходом на уровень актуального сознания, в то время как в текущей речемыслительной деятельности основная работа этого механизма обеспечивается взаимодействием процессов, протекающих на неосознаваемом уровне (ср. обязательный учёт множественных выводных знаний, необходимых для мгновенного понимания того, о чём именно идёт речь в воспринимаемом сообщении).

Заключение

Итак, мы убеждаемся в том, что МЛ может фигурировать и как конструкт, и как метафора, и как миф. Главное, конечно, в том, что мы должны отдавать себе отчёт в том, в каком именно смысле это словосочетание встретилось нам в каждом отдельном случае, и не принимать желаемое/предполагаемое за действительное/реальное. Следует исходить из специфики именуемого объекта, для исследования которого необходим интегративный подход с позиций ряда наук, ибо только при таком подходе могут быть выявлены психофизиологические, нейробиологические, социальные, лингвокультурные и прочие аспекты того, на что указывает или намекает слово, в противном случае разрабатываются конструкты, нередко именуемые метафорически и к тому же ведущие к устойчивым мифам, которые со временем могут становиться граничащими с предрассудками. Для иллюстрации правомерности такого вывода расскажу о недавно полученном мною электронном сообщении, где говорилось: «Направляю Вам ссылку <http://www.hse.ru/news/science/121456242.html> на интересный экспериментальный вывод. Много шума из ничего? Или что Вы скажете?» Пройдя по ссылке, обнаруживаю, что в сообщении под названием «Традиционные представления о восприятии языка неверны» речь идёт об исследовании, согласно которому: «... в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные ещё из классических работ неврологов XIX столетия <...>, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность». На основании проведённого исследования делается следующий вывод: «Эти результаты чётко указывают на то, что традиционные представления о восприятии мозгом языка как об изолированной, оперирующей абстрактными символами системе неверны. Способность понимать слова и их смысл коренится в биологии, а именно непосредственно в восприятиях и действиях, связанных с этими словами. Когда ребёнок узнаёт

новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. <...> Таким образом, формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, включая и те, которые традиционно связывают не с речью, а с простыми функциями <...>. Эта сеть и становится мозговым представителем того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает».

Конечно, такой вывод противоречит и наивным представлениям о слове, и широко распространённым научным мифам, согласно которым слово само по себе «несёт информацию», «означает» и т.п. Но он полностью отвечает тому, что говорится в книге Э. Годберга «Управляющий мозг» [2], где даётся обоснование положений, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам, а именно: принцип, по которому когнитивные функции распределены по коре, является градуированным и непрерывным; репрезентация каждой категории вещей распределяется в соответствии с её различными сенсорными компонентами: зрительными, тактильными, звуковыми и т.д.; большинство репрезентаций вещей и событий включают многие сенсорные модальности; имеются основания предположить, что корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов и что корковое представление слов действия тесно связано с корковым представлением самих действий; различные аспекты значения слова распределены в тесной связи с теми аспектами физической реальности, которые они обозначают. Аналогичные идеи обсуждаются в книге «The Cambridge Handbook of Psycholinguistics» (2012), см., например, суммирование современных трактовок этих вопросов в главах [10; 11].

Сказанное представляется достаточным для общего вывода: для понимания сути связанных с МЛ конструктов, метафор и мифов принципиально важна разработка методологических принципов исследования ментального лексикона как достояния индивида,

отвечающих современному научному уровню знаний о специфике обсуждаемого феномена.

References:

1. Anglo-russkii slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian Dictionary of linguistics and semiotics]. - Moskva., 1996. - 656 p.

2. Goldberg E. Upravlyayushchii mozg [Managing the brain] translated from english. - Moskva., 2003. - 335 p.

3. Zalevskaya A.A. Nekotorye novye podkhody k issledovaniyu mental'nogo leksikona [Some new approaches to the study of mental lexicon]. Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya. [Bulletin of the TSU, Series: Philology]., 2006. No. 3 (20)., pp. 101-118.

4. Zalevskaya A.A. Vvedenie v psikholingvistiku. 2-e izd., [Introduction to psycholinguistics. 2nd ed.] dop. - Moskva., RGGU, 2007. - 560 p.

5. Zalevskaya A.A. «Leksikon orkestr» i voprosy metodologii nauki (2014) ["Lexicon Orchestra" and questions of the methodology of science (2014)]., Access mode: <http://gisap.eu/node/41508>

6. Noveishii psikhologicheskii slovar' [The latest psychological dictionary]., 2-nd ed. - Rostov-on-Don., Feniks, 2006. 808 p.

7. Ovchinnikova I.G. Eshche raz o modelirovanii mental'nogo leksikona bilingva. Voprosy psikholingvistiki [Once again on the modeling of bilingual mental lexicon. Problems of psycholinguistics]., 2009., No. 2(10)., pp. 43-49.

8. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity] - Leningrad., Nauka [Science]., 1974. - 428 p.

9. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 3rd ed. Blackwell Publishing, 2003. - 314 p.

10. Barsalou, L.W. The human conceptual system. The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. - Cambridge., 2012., pp. 239-258.

11. Boroditski, L. How the languages we speak shape the ways we think. The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. - Cambridge, 2012., pp. 615-632.

12. Elman J.L. Lexical knowledge without a lexicon? Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research (Part II). Special Issue of

"The Mental Lexicon", 2011., Vol. 6:1., pp. 1-33.

13. Field, J. Psycholinguistics. The key concepts. - London; New York., Routledge, 2004. - 366 p.

14. The American Heritage Dictionary of the English Language. 3d ed. - Boston, New York., Houghton Mifflin Company, 1996. - 2140 p.

15. Whitaker H.A. Words in the mind, words in the brain: Preface to inaugural issue of the Mental Lexicon. The Mental Lexicon. 2006., Vol. 1., No. 1., pp.3-5.

Литература:

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996. 656 с.

2. Голдберг Э. Управляющий мозг / пер. с англ. М., 2003. 335 с.

3. Залевская А.А. Некоторые новые подходы к исследованию ментального лексикона // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2006. № 3 (20). С. 101-118.

4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2007. 560 с.

5. Залевская А.А. «Лексикон оркестр» и вопросы методологии науки (2014) / URL: gisap.eu/node/41508

6. Новейший психологический словарь. 2-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 808 с.

7. Овчинникова И.Г. Ещё раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. 2009. № 2(10). С. 43-49.

8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

9. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 3rd ed. Blackwell Publishing, 2003. 314 p.

10. Barsalou, L.W. The human conceptual system // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. Pp. 239-258.

11. Boroditski, L. How the languages we speak shape the ways we think // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. Pp. 615-632.

12. Elman J.L. Lexical knowledge without a lexicon? // Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research (Part II). Special Issue of "The Mental Lexicon", 2011. Vol. 6:1. Pp. 1-33.

13. Field, J. Psycholinguistics. The key concepts. London; New York: Routledge, 2004. 366 p.

14. The American Heritage Dictionary of the English Language. 3d ed. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1996. 2140 p.

15. Whitaker H.A. Words in the mind, words in the brain: Preface to inaugural issue of The Mental Lexicon // The Mental Lexicon. 2006. Vol. 1. № 1. Pp.3-5.

Information about author:

Alexandra Zalevskaya - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

